

Горюнов Алексей Владимирович

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

В статье рассматривается проблема социального будущего в контексте различных социально-синергетических концепций. В начале работы анализируется предполагаемый синергетикой диапазон возможных решений проблемы детерминизма вообще и исторического детерминизма в частности. Затем даётся критический анализ социально-синергетических концепций В. П. Бранского и А. П. Назаретяна, а также историко-семиотической концепции Ю. М. Лотмана, которая также опирается на синергетическую модель развития. В завершении говорится о границах применимости синергетической модели развития к истории, о потенциале и границах социальной синергетики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 51-58. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 141.201

В статье рассматривается проблема социального будущего в контексте различных социально-синергетических концепций. В начале работы анализируется предполагаемый синергетикой диапазон возможных решений проблемы детерминизма вообще и исторического детерминизма в частности. Затем даётся критический анализ социально-синергетических концепций В. П. Бранского и А. П. Назаретяна, а также историко-семиотической концепции Ю. М. Лотмана, которая также опирается на синергетическую модель развития. В завершении говорится о границах применимости синергетической модели развития к истории, о потенциале и границах социальной синергетики.

Ключевые слова и фразы: социальное; исторический детерминизм; социальная синергетика; семиотика; модель развития.

Алексей Владимирович Горюнов, к. филос. наук
Кафедра философии
Ульяновский государственный университет
algor74@inbox.ru

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО®

Работа создана при поддержке гранта ФЦП Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

Целью нашего небольшого исследования является вопрос о том, каким предстаёт наше социальное будущее в контексте проблемы исторического детерминизма с точки зрения синергетики истории, которую также называют социальной синергетикой. Мы хотим показать, что принятие синергетического подхода в области социальных исследований ещё не предрешает нашего отношения к будущему и, следовательно, возможен не один, а несколько соответствующих образов. В рамках данного изложения будет рассмотрена проблема исторического детерминизма в контексте синергетики, а также проанализированы концепции таких представителей социальной синергетики как В. П. Бранского, А. П. Назаретяна и Ю. М. Лотмана.

Синергетика и детерминизм

Вопрос о том, является ли будущее изначально предзаданным, вариативным или абсолютно открытым и неопределённым, как очевидно, связан с решением проблемы детерминизма. Поэтому прежде чем рассматривать синергетику истории в аспекте её отношения к будущему, рассмотрим проблему детерминизма в рамках синергетики как таковой.

Первоначально выделим три возможных решения проблемы детерминизма с чисто логических позиций.

1) **Фатализм** (жёсткий детерминизм) предполагает, что системы движутся по однозначным, заранее заданным траекториям, когда предыдущие состояния данной системы жёстко предопределяют все последующие её состояния.

2) **Умеренный детерминизм** считает, что предшествующее состояние системы определяет последующие состояния не однозначно, а лишь вероятностно. Это значит, что развитие системы вариативно. Предшествующее состояние задаёт лишь диапазон возможностей, реализация одной из которых зависит от случайных факторов и не предопределена заранее.

3) **Индетерминизм** утверждает, что развитие явлений никак не зависит от их предшествующих состояний, а зависит от произвольных факторов и, следовательно, может произойти практически всё, что угодно.

Классическая наука, как известно, стояла на позициях жёсткого детерминизма, который часто справедливо называют «научным фатализмом». Однако уже квантовая механика показала, что мы не можем с абсолютной точностью осуществлять наши измерения. Чтобы предсказать, каким будет положение и скорость частицы в будущем, необходимо измерить её положение и скорость в настоящий момент. Но оказалось, чем точнее мы пытаемся измерить положение частицы, тем менее точными будут измерение её скорости, и наоборот. В этом, говоря упрощённо, и состоит знаменитый принцип неопределённости Гейзенберга. Поэтому в квантовой механике принято считать, что частицы характеризуются квантовым состоянием, которое является некоторой комбинацией положения и скорости. Как следствие, частицы не имеют определённого положения в пространстве, а как бы «размазаны» по нему с некоторым распределением вероятности, что, как считается, отражает корпускулярно-волновой дуализм материи [11, с. 71-75].

Теория самоорганизации лишь усугубила наши сомнения в возможности точных и однозначных предсказаний. Выяснилось, что даже среди физических систем встречаются такие, развитие которых мы можем предсказать лишь в краткосрочной перспективе. Формально эти системы являются детерминированными: точно зная их текущее состояние, можно установить, что произойдет с системой в сколь угодно далеком будущем. И вместе с тем сколь угодно малая неточность в определении начального состояния системы нарастает со временем, и с некоторого времени мы теряем возможность что-либо предсказывать. На этих участках траектории система ведет себя хаотически. Такие системы были обнаружены в гидродинамике,

физике лазеров, химической кинетике, астрофизике и физике плазмы, в геофизике и экологии. Оказалось, что для динамических систем характерна так называемая локальная неустойчивость движения, означающая, что две сколь угодно близкие траектории в (условно выбранный) начальный момент времени могут со временем разойтись сколь угодно далеко. Отсюда следует, что существует интервал времени, в пределах которого мы можем предсказывать движение системы на основе наших знаний о её начальном состоянии (с учётом их ограниченной точности). Этот интервал называют временем Ляпунова или, иначе, *горизонтом прогноза*. Но за пределами этого интервала мы уже не сможем предсказать развитие системы на основе наших знаний о её начальном состоянии [4; 5].

Всё сказанное отразилось и на уровне «философских обобщений» синергетики, касающихся проблемы детерминизма. Так, И. Пригожин заявляет, что «универсум нам открывается как нечто многовариантное» и, следовательно, будущее «остаётся принципиально непредсказуемым». Отсюда, рассуждает учёный, мы «не можем полностью контролировать окружающий мир», в том числе «полностью контролировать социальные процессы» [10].

А вот С. П. Курдюмов занимает более сдержанную позицию. Исследователь, правда, замечает, что не все явления укладываются в жёсткий детерминизм, но это, однако, не означает, что «детерминизм в принципе неверен». Далее, как и у И. Пригожина, говорится о многовариантности развития. Но здесь делается существенное уточнение: даже *странный аттрактор* (т.е. состояние, к которому эволюционирует система) является не пространством в целом, а только областью в фазовом пространстве, и потому «возможны отнюдь не какие угодно состояния» развивающейся системы. Следовательно, детерминизм, пусть и в модифицированном виде, сохраняет своё значение. «Более того, - рассуждает исследователь, - развитие систем предполагает своеобразные правила, которые “запрещают” определённые пути развития. Системы, которые всё же пойдут по “запретному” пути либо погибнут, либо будут вынуждены вернуться на “допустимый” путь развития». Тем не менее, мы можем констатировать, что и С. П. Курдюмов, в целом, отходит от жёсткого детерминизма, детерминизма классического естествознания [6].

Из сказанного следует, что синергетика не совместима с индетерминизмом. Не только С. П. Курдюмов, но и другие авторы настоятельно подчёркивают эту мысль. Так, А. П. Назаретян пишет: «Синергетическое моделирование позволило строго доказать, что даже в точках неустойчивости может происходить не “всё что угодно”: количество реальных сценариев, называемых иначе параметрами порядка, всегда ограничено» [8, с. 22]. Вместе с тем, тот же исследователь рельефно очерчивает вариативность развития: «...каждое существенно новое состояние есть ответ системы на складывающиеся обстоятельства, причём только один из возможных ответов» [Там же, с. 14].

Таким образом, в фокусе нашего внимания в дальнейшем остаются две формы - фатализм и умеренный детерминизм в их, как мы покажем в дальнейшем, различных вариантах.

Учение В. П. Бранского о суператтракторе

Казалось бы, сказанное свидетельствует о том, что синергетика порывает не только с индетерминизмом, но и с фатализмом (жёстким детерминизмом). Однако, как оказалось, некоторым авторам в рамки синергетики удалось втиснуть и особую, специфически современную форму исторического фатализма. В контексте сказанного любопытным является учение В. П. Бранского о глобальном аттракторе как смысле и «пределе» социокультурного развития.

В своей статье «Социальная синергетика как постмодернистская философия истории» названный исследователь справедливо указывает, что самоорганизация (в том числе, и социальных структур) предполагает не одностороннее увеличение порядка, а определённый «синтез» порядка и хаоса. Но из этого автор делает внешне не мотивированный и оттого неожиданный вывод: «Возникает мысль, что максимальная устойчивость диссипативной структуры может быть достигнута только тогда, когда исчезнет само различие между порядком и хаосом. Взаимные переходы в таком случае станут невозможными, и рост степени синтеза порядка и хаоса потеряет смысл. Полный синтез порядка и хаоса, при котором пропадает всякое различие между ними, означает возникновение диссипативной структуры, устойчивой по отношению к любым модификациям внешней среды, другими словами, устойчивой относительно абсолютного хаоса» [1, с. 121].

Далее, автор конкретизирует своё видение «конца времён». По его мнению, существует предел сложности (и, следовательно, предел развития) социокультурных систем, который получает название суператтрактора или глобального аттрактора. Это суператтрактор представляет собой предел художественного и технического развития человечества с одновременным синтезом этих сторон общественной жизни. Но затем оказывается, что это полная гармонизация вообще всех сторон общественной жизни: экономической, политической, этической, эстетической, мировоззренческой и других.

Существование суператтрактора, по мнению мыслителя, придаёт *объективный* смысл социокультурной эволюции, который заключается ни много ни мало в формировании сверхчеловека и сверхчеловечества: «Подобный синтез предполагает превращение человека с его относительной свободой и относительной моралью в сверхчеловека с его абсолютной свободой и абсолютной моралью (соответственно, человечества - в сверхчеловечество, обладающее чудовищной технической и художественной мощью)» [Там же, с. 122].

Механизм движения к суператтрактору описывается учёным следующим образом. По справедливому замечанию исследователя, самоорганизация социокультурных систем регулируется социальным отбором. Каждая актуально существующая структура содержит в себе ряд «возможных диссипативных структур», т.е., проще говоря, тенденций, которые в данное время играют второстепенную, малосущественную роль. В точке бифуркации происходит выбор одной возможности из данного набора потенциалов (*тезауруса*). При этом роль

детектора, осуществляющего такой выбор, играет «внутренне взаимодействие элементов социальной системы». Под «взаимодействием» здесь понимается «противоречивое единство конкуренции и кооперации» этих «элементов», что очень сильно напоминает «единство и борьбу противоположностей» диалектики.

Затем автор приводит ряд доводов в пользу существования суператтрактора.

Во-первых, он формулирует принцип устойчивости, согласно которому детектор, якобы, должен «выбирать» из множества возможных бифуркационных структур наиболее устойчивую в данной среде. Этот принцип, согласно В. П. Бранскому, регулирует выбор самих критериев, которыми при отборе «руководствуется» детектор. Перечень таких критериев, если я правильно понял, он называет селектором.

Во-вторых, автор пытается доказать, что «кроме отбора, существует ещё суперотбор, т.е. отбор самих факторов отбора» [Там же, с. 121]. По мнению В. П. Бранского, именно это превращает идею суператтрактора из гипотезы в хорошо обоснованную теорию: «Мы видим, что самоорганизация представляет собой балансирование между простыми и странными локальными аттракторами. Возникает гипотеза, что балансирование не лишено определённой тенденции, а именно оно есть движение к упомянутому глобальному аттрактору. Теория социальной самоорганизации, однако, утверждает нечто большее: такое допущение было бы только гипотезой, если бы имел место лишь обычный отбор и дело не доходило бы до суперотбора. Но именно последний делает существование глобального аттрактора (суператтрактора) не только возможным, но и необходимым. Ведь суперотбор предполагает совершенствование самого принципа устойчивости, на основании которого производится обычный отбор. А у последовательности принципов относительно устойчивости есть предел в виде принципа абсолютной устойчивости» [Там же, с. 122].

Наконец, в-третьих, частным случаем суперотбора является отбор ценностей и, особенно, идеалов. В ходе борьбы идеалов, оказывается, происходит метаидеализация, т.е. идеализация самих идеалов. Это означает, что из множества «относительных» идеалов постепенно формируется общечеловеческий, «абсолютный» идеал. Указан и механизм этого процесса - выделение инварианта в идеалах разных народов и эпох, или, по остроумному замечанию самого автора, «вышелушивание» твёрдого ядра из хрупкой скорлупы. По мнению В. П. Бранского, это лишний раз доказывает существование суператтрактора, поскольку «Суператтрактор и есть не что иное, как результат реализации общечеловеческого идеала» [Там же, с. 124].

Далее, автор пытается показать, что его концепция может служить образцом «постсовременной», т.е. самой новой и самой «прогрессивной» философии истории. Более того, он объявляет свой подход новой ступенью в развитии историзма. Однако более детальный анализ показывает, что претензии учёного на «постмодерновость» его концепции не слишком обоснованы.

1. Начнём с проблемы детерминизма. Приверженность принципу устойчивости, согласно которому детектор, якобы, должен делать выбор в пользу возможности, обещающей в дальнейшем системе наибольшую устойчивость, сближает концепцию В. П. Бранского с **классическим («жестким») детерминизмом**.

А между тем, даже в самой синергетике понятие случайности является существенным. Конечно, это направление понимает под случайностью произвольность и отсутствие ограничений. Так, А. П. Назаретян указывает, что в точках бифуркации имеется конечный набор сценариев и, более того, после осуществления «выбора» система необратимо движется к соответствующему аттрактору. Но он не считает, что каждый выбор является оптимальным, так как указывает, что в процессе детерминированного развития система уже не может перейти к **более благоприятному** аттрактору [8; 22]. На роль случайности и свободы в точках бифуркации указывает и С. Г. Гамаюнов: «Роль случайности и свободы в точке бифуркации не просто велика, она **фундаментальна**. Это позволяет выделить наряду со стабильными системами класс **нестабильных** систем. Кроме того, бифуркационная модель предполагает непредсказуемость результата, получаемого на выходе из него. Это связано с действием флуктуации в “поле возможностей” системы. Тем самым историческое развитие каждого социума становится индивидуальным и неповторимым» [2, с. 102].

Именно приведённые взгляды А. П. Назаретяна и С. Г. Гамаюнова, хотя они и отличаются друг от друга рядом нюансов, отражают современное (неклассическое в широком смысле) решение проблемы детерминации в истории.

2. Классический детерминизм В. П. Бранского органично и естественно перетекает в **историзм** (в попперовском смысле), т.е. в концепцию о предсказуемости будущего. Об этом свидетельствует ключевое для В. П. Бранского учение - учение о суператтракторе. Будущее оказывается неограниченно предсказуемым. В то время как в синергетике естественных наук говорят о «горизонте прогноза», в социальной синергетике В. П. Бранского не оказалось никаких горизонтов и ограничений. При этом социальное развитие, похоже, не зависит ни от наших усилий, ни от нашего знания или незнания о «смысле истории». Хорошо ещё, что такое предзаданное будущее оказалось «светло и прекрасно», и мы обречены на счастье, а не на страдание.

Ситуацию не спасает и заявление, что речь идёт всего лишь о возможности «сколь угодно приблизиться к суператтрактору, не достигая его за конечный промежуток времени». Даже в этом случае наше будущее предрешиено: мы будем идти к суператтрактору; мы будем к нему на каждом следующем этапе ближе, чем на предыдущем; наша техническая и художественная мощь будет возрастать; рано или поздно мы станем сверхчеловечеством и т.д.

Всё это противоречит неклассическому (атниисторицистскому) взгляду на проблему будущего и, строго говоря, взглядам многих представителей синергетики истории. Так, уже знакомый нам С. Г. Гамаюнов пишет: «Признавая множественность путей развития различных социумов, прокладывая индивидуальные маршруты через точки бифуркации, синергетика понимает под исторической закономерностью не единый путь исторического развития, а единые принципы “хождения” по разным историческим маршрутам» [Там же].

3. Далее мы намерены показать, что концепция В. П. Бранского связана также с утопизмом и финализмом. Напомним, что финализм предполагает, что история будет иметь то или иное, но вполне определённое завершение. Утопизм же связан с убеждением в возможности осуществления на земле идеального общественного состояния. Если же это идеальное общественное состояние мыслится как конец истории, то в этом случае утопизм и финализм сливаются в одно учение.

Но в этом пункте ситуация сложнее и тоньше. Дело в том, что сам учёный, предвидя подобные обвинения, попытался заблаговременно опровергнуть их. По поводу своего отношения к проблеме конца истории он пишет: «У всемирной истории в одном отношении есть конец, а в другом такого конца нет. С одной стороны, должен существовать предел культурного развития человечества, но, с другой стороны, движение к такому пределу должно быть бесконечным. Чтобы приблизиться к этому идеалу, надо преодолеть существующие социальные противоречия. И хотя преодоление одних противоречий порождает новые, суперотбор (извлечение уроков из преодоления прежних противоречий) порождает тенденцию к минимизации вновь возникающих противоречий» [1, с. 125].

И всё же внесённые коррективы не меняют сути дела. Веру в неизбежное приближение к идеалу можно расценивать как особую разновидность утопизма и, следовательно, превращённую форму классического историзма. Неклассический взгляд на проблему общественного идеала предполагает, что мы чётко разграничиваем сферу сущего и сферу должного. В логике и теории аргументации это разграничение проявляется в виде утверждения о невыводимости из описательных высказываний (высказываний со связкой «есть») нормативных и оценочных высказываний (высказываний со связкой «должен»), и также в обратном порядке.

Отношение к утопии в современной социальной философии хорошо иллюстрируется, например, К. Ясперс: «Незавершённость человека и его историчность - одно и то же. Границы человеческой природы исключают ряд возможностей. На Земле не может быть идеального состояния. Не существует правильного мирового устройства. Нет совершенного человека. ...Из-за того, что в истории действует незавершённость, всё должно непрерывно меняться. История сама по себе не может быть завершена. Она может кончиться лишь в результате внутренней несостоятельности или космической катастрофы» [12, с. 242-243].

Общественный идеал, согласно неклассическим предствлениям, является конструктом нашего разума и имеет другие функции, не связанные с воплощением в реальности. Он направляет нашу деятельность на постепенное улучшение общественной жизни. С позиций идеала мы оцениваем существующее состояние общества и результаты нашей деятельности по преобразованию общества. Исходя из идеала, мы разрабатываем программу действий на ближайшее будущее, которую в современной философии часто называют *проектом*.

Сам В. П. Бранский также мог бы пойти указанным путём. В связи с этим любопытно отметить, что, обсуждая проблему конца истории, мыслитель постоянно использует прескриптивные категории - «должен», «надо» и другие. В этом случае он мог бы заявить, что суператтрактор *желаемой* перспективой человеческой истории. Далее он мог бы призвать своих современников принять обозначенный им идеал как общую цель и объединить усилия для приближения к ней. Наконец, ему было бы необходимо разработать программу, реализация которой приблизила бы нас уже в ближайшее время к «абсолютной свободе и абсолютной моральности» хотя бы на один маленький шаг. Вот это и было бы неклассическим решением проблемы общественного идеала и конца истории.

Из сказанного можно сделать общий вывод, что перед нами возвращение классического историзма, лишь терминологически напоминающее современную философию. И главная характеристика этой концепции - фатализм в его отношении к новой форме, которая объявляет известным конечный результат развития общества, хотя и соглашается с тем, что конкретные пути движения к этому состоянию могут быть разнообразными и, может быть, не в полной мере поддаются прогнозированию.

Синергетика истории А. П. Назаретяна

Примером социально-синергетической концепции, опирающейся на принцип (умеренного) детерминизма, может служить учение А. П. Назаретяна.

Основной тенденцией развития систем любой природы А. П. Назаретян называет «удаление от естества», т.е. последовательный переход от более естественных состояний к менее естественным, а значит, от более вероятных к менее вероятным состояниям. Это означает, что развивающиеся системы на каждом последующем этапе становятся всё более выделенными из среды, более удалёнными от равновесия с ней. Это же относится и к развитию общества: «...конструктивное преодоление каждого из антропогенных кризисов в социоприродных отношениях обеспечивается не возвращением человека к природе, а, напротив, очередным удалением общества вместе с природной средой от естественного (дикого) состояния...» [8, с. 151].

Но сразу же следует предупреждение для слишком ретивых прорицателей будущего: эта тенденция является не «законом», а всего лишь историческим наблюдением или, иначе, «эмпирическим обобщением». Как следствие, «из него можно вывести осторожные предположения о будущем, но нельзя заключить, что так будет всегда» [Там же, с. 231]. И в другом месте: «Апостериорно отслеживаемая векторность развития не является следствием заложенных программ или врождённых человеку стремлений: это последовательность вынужденных преобразований, каждое из которых, способствуя решению актуальных жизненных проблем, рождает множество новых, ещё более сложных проблем» [Там же, с. 156].

С этим тесно связано и другое положение концепции А. П. Назаретяна - отказ от явной и скрытой телеологии. Рассуждая о социальном развитии, учёный пишет, что «легче всего предположить наличие изначальной программы или цели развития, и это соблазнительное допущение (хотя и не всегда эксплицитное) составляет самый уязвимый пункт классических концепций прогресса» [Там же, с. 152]. Этому противопоставляется

иной взгляд на сущность прогресса: «Прогресс - не цель и не путь к конечной цели, а *средство сохранения* неравновесной системы в фазах неустойчивости» [Там же, с. 155-156]. Иными словами, развитие происходит не «для того, чтобы», а «потому что». Системы не стремятся к чему-либо (цели, идеалу, суператтрактору), а просто «хотят» выжить.

«Выживание» систем с точки зрения синергетики означает сохранение их неравновесного отношения к среде. Система существует лишь до тех пор, пока она выделена из среды, в известном смысле отграничена от неё. Неравновесность системы обеспечивается постоянной работой, противостоящей уравнивающему воздействию среды. Проще говоря, само существование (неравновесность) системы не сохраняется автоматически, а требует некоторых усилий и ресурсов, т.е., как принято выражаться, источников свободной энергии и вещества. Автоматически же может происходить только уравнивание со средой, разрушение системы.

Пока позволяют условия, системы (в том числе, социальные) развиваются экстенсивно, т.е. на основе уже сложившихся шаблонов выживания. Это сопровождается «наращиванием нагрузки на среду» и истощением необходимых системе ресурсов. Таков этап линейного или, иначе, относительно устойчивого развития системы. Но рано или поздно ресурсы истощаются и эффективность «старых» шаблонов падает. В этих условиях следование старым шаблонам деятельности становится опасным для самой системы, зачастую угрожая её разрушением. Вот тогда-то и наступает этап неустойчивости, кризис системы.

Сказанное относится и к обществу. По этому поводу учёный пишет: «Как показывает специальный анализ, большинство племён, государств и цивилизаций в близком и отдалённом прошлом погибли не столько в силу внешних причин, сколько оттого, что сами подорвали природные и организационные основы своего существования. Вторжения извне, эпидемии, экологические катаклизмы или внутренние беспорядки при этом довершали саморазрушительную активность социального организма, подобно вирусам и раковым клеткам в ослабленном биологическом организме» [Там же, с. 128].

Сценарии выхода из кризиса, поясняет А. П. Назаретян, в синергетике называются аттракторами. Существует три возможных выхода из кризиса: разрушение системы, смена среды обитания и смена шаблонов деятельности.

Первые два сценария соотносятся с простым аттрактором, так как не предполагают, как бы сказали в диалектике, скачка на качественно более высокий уровень. Разрушение системы - это её уравнивание со средой. Смена среды обитания, как правило, связано с сохранением прежних шаблонов деятельности. Более того, в отдельных случаях, как пишет учёный, наблюдается «адаптивный регресс», когда сохранения системы удаётся достичь за счёт её упрощения и примитивизации.

Третий сценарий называется странным аттрактором. Такой сценарий и является случаем сохранения через развитие, так как смена шаблонов деятельности означает, что устойчивость системы удаётся достичь на более высоком уровне неравновесия со средой. Именно этот признак (уровень неравновесия со средой) и считается в синергетике, согласно А. П. Назаретяну, критерием развития, прогресса. Более прогрессивной является та система, которой удалось достичь устойчивости на более высоком уровне неравновесия со средой, в точке большего «удаления» от среды.

Для социальных систем прогресс означает, что в «посткризисной» культуре отчетливее, чем в «докризисной», выражены свойства субъектности и субъективности, т.е. роль человеческой воли и идеальных образов в детерминации социального развития возрастает: «Художественные образы, религиозные и философские учения, научные открытия и бред полубезумных фанатиков оказывают всё более значительное влияние на ход *материальных* процессов, превосходя по масштабу последствий (которые определимы даже по энергетическим показателям) землетрясения, цунами, падения метеоритов и прочие природные катаклизмы» [Там же, с. 155].

Ещё одним принципом, описывающим механизм развития систем, является так называемый **принцип избыточного разнообразия**. Согласно этому принципу, именно разнообразие, накопленное системой в период «спокойного» развития и является основным ресурсом, благодаря которому система получает шанс успешно преодолеть очередной кризис: «Шанс на конструктивное преодоление кризиса система получает в том случае, если она успела накопить (сохранить) достаточный внутренний ресурс слабо структурированного и актуально бесполезного разнообразия. Какие-то из “лишних” элементов, сохранившиеся на периферии системы, с изменением условий становятся доминирующими и обеспечивают образование новой, иногда более высокоорганизованной системы-наследницы» [Там же, с. 228].

Здесь важно подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, «неструктурированное разнообразие», по мнению А. П. Назаретяна, накапливается не в ядре, а на периферии системы и не связано с «основными» её противоречиями на данном этапе развития. Как следствие, во-вторых, появление такого разнообразия, т.е., по сути, новаций того или иного масштаба, не является предопределённым и предсказуемым. Скорее, они являются, как бы сказали в биологии, результатом мутаций, спонтанной активности. Этим обстоятельством во многом и объясняется вариативность развития: «...почти все новообразования в духовной жизни, в технологиях, в социальной организации, а ранее в биотических и физико-химических процессах представляют собой “химеры” - в том смысле, что противоречат структуре и потребностям метасистемы, - и чаще всего выбраковываются, не сыграв заметной роли в дальнейших событиях. Но очень немногие из таких химерических образований сохраняются на периферии большой системы (соответственно, культурного пространства, биосферы или космофизической Вселенной) и при изменившихся обстоятельствах могут приобрести доминирующую роль» [Там же, с. 15].

Итак, человечество развивается от одного кризиса к другому. Кризису предшествует снижение эффективности старых шаблонов деятельности, что связано с истощением ресурсов. В результате общество

оказывается на грани гибели. Одни общества выбирают смену среды обитания или даже «адаптивный регресс». Но «прогрессивным» ответом является технологический скачок, изменяющий названные шаблоны деятельности, увеличивающий производственную и военную мощь, а также меняющий, если так можно выразиться, «ресурсную базу» данного общества.

При этом указанные новые шаблоны деятельности, как правило, уже существуют на момент кризиса в периферийных секторах системы и лишь выходят на первый план. Именно поэтому шанс на успешное разрешение кризиса, как уже указывалось выше, получают те общества, которые успели накопить или сохранить достаточное количество избыточного, «ненужного» разнообразия. Так называемы «новые» технологии, в действительности, уже существуют на момент кризиса, но не являются доминирующими. И лишь в условиях кризиса, когда прежние формы становятся неэффективными, эти «новые» технологии выходят на первый план, создают новых технологический облик социума.

Подведём итоги. Мы уже убедились, что автор стоит на позициях умеренного детерминизма, признавая вариативность и непредзаданность общественного развития. Мы также видели, что учёный допускает возможность лишь осторожных, вероятностных прогнозов социального будущего (антиисторицизм), полностью отвергая идею движения общества к какому-либо идеалу (антиутопизм) или предустановленной цели (антифинализм). На «современность» данной концепции указывает и то положение, согласно которому соотношение различных факторов меняется в истории от одной эпохи к другой. Например, автор говорит, что в ходе человеческой истории возрастает роль «субъективного» по сравнению с «объективным» и «социального» (надприродного) по сравнению с естественным. Но эти тенденции, как подчёркивает автор, являются эмпирическими и, следовательно, нельзя утверждать, что так будет всегда. Таким образом, мы можем констатировать, что концепция А. П. Назаретяна является, по крайней мере, в основном, «современной», т.е. постклассической философией истории.

Семиотика истории Ю. М. Лотмана

К синергетическим концепциям истории непосредственно примыкает и семиотика истории Ю. М. Лотмана. Используемая им модель развития близка к синергетике, что признавал и сам автор. Поэтому, например, использование термина «взрыв» вместо термина «бифуркация» никого не должно вводить в заблуждение.

Для Ю. М. Лотмана культура - это динамическая знаковая система. Ещё точнее, это семиосфера или, иначе, семиотическое пространство. Конечно, понятие «семиосфера» и понятие «общество» нельзя отождествлять. Но, во-первых, культура - это неотъемлемый срез любого общества и, более того, критериальное свойство социально-исторической реальности. Во-вторых, перенести предлагаемую методологию анализа семиосферы в плоскость философско-исторической проблематики не составит особого труда.

Еще в работе «Культура и взрыв» он указывает, что минимальной работающей семиотической структурой является структура, состоящая, по меньшей мере, из двух языков. В работе «Внутри мыслящих миров» он углубляет это представление: «...семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования, предшествует им и постоянно взаимодействует с ними» [7, с. 250]. И далее: «...семиосфера - и результат, и условие культуры» [Там же, с. 251].

Учёный выделяет в культуре три составляющих - центр (ядро), периферия и граница. Исследователь подчёркивает, что семиосфера характеризуется неоднородностью. Она состоит из множества компонентов («языков»), различных по своей природе и функциям. Они «относятся друг к другу в спектре от полной взаимной переводимости до столь же полной взаимной неперевоидимости» [Там же, с. 252].

Как мы видим, семиосфера Лотмана не допускает даже намёка на тотальность её устройства. На это указывает и терминология учёного. Говоря о некоторой культурной целостности, он предпочитает употреблять не термин «система», а термин «пространство». Так, русская культура определённого периода является не жёстко организованной системой, а культурным пространством. Термин же «система» Ю. М. Лотман употребляет применительно к неким семиотическим образованиям («языкам»), которые функционируют и развиваются внутри этого общего пространства или, как выражается сам автор, «погружены» в него. Более того, семиотическое пространство неизбежно состоит из множества «языков» (минимум - двух), так как ни один язык в отдельности не способен отражать реальность: «Представление о возможности одного идеального языка как оптимального механизма для выражения реальности является иллюзией. Минимальной работающей структурой является наличие двух языков и их неспособность, каждого в отдельности, охватить внешний мир» [Там же, с. 13].

Переходя к вопросу о динамике семиотических систем, мыслитель выделяет два вида изменений: постепенные и «взрывные». При этом оба вида развития необходимы культуре: «И постепенные, и взрывные процессы в синхронно работающей структуре выполняют важные функции: одни обеспечивают новаторство, другие - преемственность» [Там же, с. 21].

И здесь автор предлагает особый вариант умеренного детерминизма - вариант, который делает акцент на непредсказуемость «взрывных» процессов. Правда, исследователь подчёркивает, что будущее не является абсолютно случайным: «Неопределенность будущего имеет, однако, свои, хотя и размытые, границы. Из него исключается то, что в пределах данной системы заведомо войти в него не может. Будущее предстает как пространство возможных состояний» [Там же, с. 22]. Однако, отмечая индетерминизм, исследователь, тем не менее, уходит от жёсткого детерминизма даже дальше, чем «обычные» представители синергетики.

«Настоящее, - пишет исследователь, - это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что *выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью: в момент взрыва эти*

механизмы полностью отключаются (выделено нами - А. Г.). Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому он обладает очень высокой степенью информативности. Одновременно момент выбора есть и отсечение тех путей, которым суждено так и остаться лишь потенциально возможными, и момент, когда законы причинно-следственных связей вновь вступают в свою силу [Там же, с. 22-23].

Дело усугубляется тем, что любая система погружена в семантическое пространство, состоящее из других динамических систем. В результате саморазвитие системы, и без того плохо предсказуемое, ещё более усложняется столкновениями с другими культурными образованиями, что увеличивает непредсказуемость дальнейшего движения. «Случай, - пишет исследователь, - когда внешнее вторжение приводит к победе одной из столкнувшихся систем и подавлению другой, характеризует далеко не все события. Достаточно часто столкновение порождает нечто третье, принципиально новое, которое не является очевидным, логически предсказуемым последствием ни одной из столкнувшихся систем. Дело усложняется тем, что образовавшееся новое явление очень часто присваивает себе наименование одной из столкнувшихся структур, на самом деле скрывая под старым фасадом нечто принципиально новое» [Там же, с. 62-63].

Но и это ещё не всё. Когда мы рассматриваем социокультурную реальность, дело не ограничивается доминированием «случайности» или «непредсказанности» в «периоды бифуркации». В этот процесс вмешивается свободная воля, сознательный выбор человека: «История - это процесс, протекающий "с вмешательством мыслящего существа". Это означает, что в точках бифуркации вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм *сознательного выбора*, который становится важнейшим *объективным* элементом исторического процесса» [Там же, с. 350].

Свои рассуждения Ю. М. Лотман подытоживает противопоставлением своего взгляда на историю воззрениям Гегеля и его сторонников: «История, верная своему апостолу Гегелю, упорно доказывает, что для нее не существует случайного и что все события будущего втайне заложены в явлениях прошедшего. Закономерным следствием такого подхода является эсхатологический миф о движении истории к неотразимому конечному результату. Вместо этой модели мы предлагаем другую, в которой непредсказуемость вневременного взрыва постоянно трансформируется в сознании людей в предсказуемость порождаемой им динамики и обратно. Первая модель метафорически может представить себе Господа как великого педагога, который с необычайным искусством демонстрирует (кому?) заранее известный ему процесс. Вторая может быть проиллюстрирована образом творца-экспериментатора, поставившего великий эксперимент, результаты которого для него самого неожиданны и непредсказуемы» [Там же, с. 136].

Вместо заключения: история и синергетика

Из нашего небольшого исследования мы можем сделать вывод: само по себе применение синергетики к исторической проблематике ещё не предвещает получаемого результата. Синергетика не панацея и не рецепт спасения философии истории и исторической науки. Однако при соблюдении известной осторожности синергетика истории может дать плодотворные результаты. В связи с этим остановимся на некоторых, если так можно выразиться, «условиях релевантности» применения синергетической модели к истории.

1. Прежде всего, коснёмся вопроса о роли синергетики в рамках исторического познания. Во второй главе работы «Синергетика и прогнозы будущего» [5] высказывается идея, что синергетика могла бы выступить в качестве объяснительной теории для исторической науки. Но эта идея может быть оценена двояко.

С одной стороны, историческая наука и философия истории рассматривают *развитие* общества и, следовательно, в их основе явно или неявно всегда лежит та или иная модель развития. Разумеется, таковой может быть и синергетическая модель развития, тем более что она имеет очевидные преимущества, скажем, по сравнению с диалектикой.

Но, с другой стороны, даже в этом случае синергетическая модель будет необходимым, но не достаточным теоретическим фундаментом изучения истории, так как она (история) представляет собой развитие именно *общества и человека*. Поэтому синергетика (или иная теория развития) должна быть дополнена *объяснительной теорией*, оттеняющей специфику развития общества, состоящего из людей, наделенных разумом, свободной волей, являющихся создателями и носителями культуры. Так, для М. Вебера такой теорией служило учение о социальном действии, для М. Ю. Лотмана - семиотика истории и т.д.

2. Само применение синергетической модели к изучению истории должно быть корректным. Здесь важно понимать, что синергетика описывает *механизм* развития, в том числе, развития общества, но не показывает и не может показать *направление* этого развития. Она отвечает на вопрос, *как* развивается общество, а не на вопрос, *куда* оно движется. Здесь ещё раз хочется напомнить мысль С. Г. Гамаюнова о том, что закономерность развития выражается не в едином пути развития человечества, а в единообразных принципах развития. В этом смысле различные попытки вывести направление истории из некой модели развития - от теории прогресса просветителей и концепции Гегеля до рассмотренной здесь «синергетики истории» В. П. Бранского - следует признать некорректными.

Модель развития и, в частности, синергетика могут выполнять лишь некоторые объяснительной функции. Она может объяснить, почему случилось то, что случилось. Ещё точнее, она объясняет то, как *возможно* некоторое событие, а не то, почему оно *необходимо*. Но направление развития может лишь вероятностно прогнозироваться на основе эмпирических или, если угодно, апостериорных данных.

Такие данные позволяют выявить *тенденции* развития, которые можно экстраполировать в будущее лишь с огромной осторожностью и лишь с очень ограниченным интервалом времени. Но тенденции, как настоятельно подчёркивал ещё К. Поппер, ни в каком смысле не являются законами, в том числе законами развития. Поэтому, рассуждает мыслитель, на их основе нельзя построить надёжные и достоверные предсказания, так как «тенденция, которая сохранялась сотни и тысячи лет, может измениться за десятилетие, и даже за ещё более короткий срок» [9, с. 133].

Список литературы

1. **Бранский В. П.** Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 117-127.
2. **Гамаюнов С. Г.** От истории синергетики к синергетике истории // Там же. № 2. С. 99-113.
3. **Губман Б. Л.** *Смысл истории: очерки западных концепций*. М.: Наука, 1991. 192 с.
4. **Гулидов А. И., Наберухин Ю. И.** Диалектика необходимого-случайного в свете концепции динамического хаоса // *Философия науки*. 2001. № 1 (9). С. 33-46.
5. **Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г.** *Синергетика и прогнозы будущего*. Изд-е 3-е. М.: УРСС, 2003. 288 с.
6. **Курдюмов С. П.** Комментарий к статье И. Пригожина «Философия нестабильности» [Электронный ресурс] URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/NATURE/NONSTAB.HTM> (дата обращения: 16.06.2011).
7. **Лотман Ю. М.** *Семиосфера*. СПб.: Искусство - СПб., 2000. 704 с.
8. **Назаретян А. П.** *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика - психология - прогнозирование*. Изд-е 2-е. М.: Мир, 2004. 367 с.
9. **Поппер К. Р.** *Нищета историцизма*. М.: Изд. гр. «Прогресс»-VIA, 1993. 186 с.
10. **Пригожин И.** *Философия нестабильности // Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46-57.
11. **Хокинг С.** *Краткая история времени: от Большого взрыва до чёрных дыр* / пер. с англ. Н. Смородиной. СПб.: ТИД «Амфора», 2008. 231 с.
12. **Ясперс К.** *Смысл и назначение истории* / пер. с нем. Изд-е 2-е. М.: Республика, 1994. 527 с.

SYNERGETIC IMAGES OF SOCIAL FUTURE

Aleksei Vladimirovich Goryunov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Ul'yanovsk State University
algor74@inbox.ru

The author considers the problem of social future in the context of different social-synergetic conceptions. First, he analyzes the diapason of the possible solutions of determinism problem as a whole and historical determinism in particular assumed by synergetics. Then the author presents the critical analysis of V. P. Branskii and A. P. Nazaretyan's social-synergetic conceptions and also Yu. M. Lotman's historical-semiotic conception which is also based on synergetic development model. In conclusion he speaks about the limits of applying synergetic development model to history, about social synergetics potential and limits.

Key words and phrases: social; historical determinism; social synergetics; semiotics; development model.

УДК 1(09)

В статье раскрывается характер взаимодействия математики, музыки и космологии в учении пифагорейцев, выявляются принципы реконструкции пифагорейского учения в творчестве А. Ф. Лосева, которая имеет не только историко-философскую значимость, но и реабилитирует пифагорейский способ миропонимания перед лицом современной науки, демонстрируя плодотворность пифагорейской триады для восстановления утраченного новейшей наукой целостного образа Вселенной.

Ключевые слова и фразы: пифагорейцы; космос; число; музыка; гармония сфер.

Елена Алексеевна Григорьева

Кафедра философии

Курский государственный университет

sakura86@bk.ru

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ПИФАГОРЕЙСКОЙ ТРИАДЫ «МАТЕМАТИКА-МУЗЫКА-КОСМОС»
В ФИЛОСОФИИ А. Ф. ЛОСЕВА[©]**

Творческое наследие А. Ф. Лосева обширно и многопланово. К нему обращаются философы и лингвисты, культурологи и теологи, математики и филологи, музыковеды и логики, и всякому уготована встреча с высокими образцами мысли и неожиданными находками. Нельзя не заметить, однако, что обращение к научным результатам Лосева пока еще сопряжено с немалыми трудностями, особенно если иметь в виду книги «раннего» Лосева, изданные в 1927-1930 годах, - они-то как раз и насыщены важными идеями мировоззренческого характера.

Особенно была дорога А. Ф. Лосеву античная философия, как источник, корень, основа всей европейской культуры. Лосев, на протяжении почти всей своей жизни, стремился раскрыть специфику античного мира, создать неповторимый лик античной культуры. Многие во взглядах античных философов было близко и самому Лосеву. Неслучайно, занимаясь исследованиями в области античной философии, он проникся идеей единения философии, математики и музыки, столь характерной для античной культуры: «Хочется музыки... с затаенной